

Плотникова А.М.
ведущий эксперт Уральского РЦСЭ Минюста России,
доктор филологических наук, профессор

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ПО ДЕЛАМ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ

Рассматриваются вопросы экспертного исследования художественных текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. Специфика объекта исследования, проблемы анализа художественной коммуникации, использования семантического и коммуникативно-прагматического анализа.

Ключевые слова: лингвистическая судебная экспертиза, экстремизм, семантический анализ, коммуникативно-прагматический анализ

A. Plotnikova

Lead forensic examiner

Urals Regional Center of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice

DSc (Linguistics), professor

LINGUISTIC ASSESSMENT OF LITERARY TEXTS IN CASES RELATED TO EXTREMISM PREVENTION

The author examines various aspects of forensic assessment of literary texts in cases dealing with extremism prevention. Defining characteristics of this type of forensic evidence are described, as well as problems of literary communication analysis and the use of semantic and communicative/pragmatic analysis.

Keywords: forensic linguistics, extremism, semantic analysis, communicative/pragmalinguistic analysis.

В экспертной практике по делам, связанным с противодействием экстремизму, объектом исследования все чаще становятся художественные тексты: это и прозаические тексты (например, роман-антиутопия Е. Чудиновой «Мечеть Парижской Богородицы»), и драматургические (например, пьеса «Жид-вампир», написанная коллективом красноярских студентов), и поэтические (стихи, поэмы, песенные тексты, представленные в виде опубликованных поэтических сборников и в виде песенных альбомов и клипов, часто размещаемых на страницах социальных сетей).

Художественные произведения иногда попадали в поле зрения экспертов в связи с делами о защите чести, достоинства и деловой репутации, пропаганде наркотических средств и психотропных веществ, распространении порнографии и некоторым другими категориями дел, имеющими отношение к лингвистической или психолого-лингвистической экспертизе текстов. По справедливому замечанию О. Н. Матвеевой, «неразрешенные проблемы, касающиеся лингвистической экспертизы в целом, осложняются в данном случае специфическим объектом, в отношении интерпретации которого существуют давние

филологические традиции и презумпции. Проблема включает в себя целый ряд вопросов, связанных именно со спецификой исследуемого объекта. Освобождает ли от ответственности использование автором художественной формы? Если да, то при каких условиях? Основывается ли квалификация художественного текста в рамках лингвистической экспертизы на традициях его филологической интерпретации либо она исходит из других презумпций? В какой степени возможно ассоциировать героев художественного произведения, в том числе автора, с реальными людьми?» [Матвеева, 2007, с. 370].

Безусловно, при анализе художественного текста необходимо различать автора, рассказчика и персонажа (даже если рассказ ведется от первого лица, это не означает, что спорное высказывание может быть приписано самому автору). Множественность интерпретаций, являющаяся свойством, присущим художественному тексту, также препятствует проведению лингвистической экспертизы, которая должна носить верифицируемый характер. Эти и многие другие вопросы встают перед экспертом при анализе художественных текстов.

Напомним, что юридически значимыми признаками экстремистских материалов являются признаки возбуждения розни и вражды, призывы к насильственным действиям в отношении групп лиц, выделенных по национальному, расовому, этническому, социальному признакам, пропаганда исключительности и превосходства, оправдание терроризма. Предложенная О.В. Кукушкиной, Ю.А. Сафоновой, Т.Н.Секераж методика анализа «экстремистских» текстов, рекомендованная в экспертных центрах Минюста России, основана на выявлении в тексте семантической структуры, содержащей информацию трех типов: предмет речи, отношение к нему, цель публичного высказывания об этом предмете речи, при этом любое «экстремистское» значение представляет собой комбинацию признаков всех трех типов и требует их анализа [Кукушкина, Сафонова, Секераж, 2011]. Этот принцип анализа в целом применим к художественным текстам и позволяет ответить на поставленные органом, назначившим экспертизу, вопросы, однако при анализе художественной коммуникации возникают некоторые трудности.

Рассмотрим в качестве примера текст В. Федоровича «*Faciam lit mei mernineris*» (название текста «*Faciam lit mei mernineris*» представляет собой крылатое латинское изречение: «Сделаю так, чтобы ты обо мне помнил»). Автор с первых же страниц заявляет о существовании героя, с которым читатель не должен отождествлять самого автора, однако некоторые фрагменты текста написаны от лица автора-повествователя. Главным героем текста является «Виктор» – alter ego автора. Этот персонаж появляется не в каждой главе текста, и его образ зачастую трудноуловим, потому что сливается с образом самого автора. Многие события текста увидены глазами этого героя, и ему приписываются те размышления, которые волнуют самого автора, его вкусы совпадают с декларируемыми пристрастиями автора (например, героя и автора объединяет любовь к музыке Вагнера).

Тема национализма как идеологии, разделяемой автором и его героем, обосновывается и политическими, и психологическими факторами. В тексте приводится и культурологическое объяснение национализма через ссылки на тот список текстов и фильмов, который повлиял на мировоззрение как самого автора, так и его героя: это «Заводной апельсин» Э. Бёрджеса, труды Ф. Ницше, германская мифология, фильм «Прирождённые убийцы» и некоторые другие произведения. С опорой на художественную традицию изображения «сверхчеловека» В. Федорович создаёт в собственном сочинении героя-убийцу, не испытывающего нравственных мучений от содеянного, наделенного способностью манипулировать другими людьми и получающего наслаждение от собственной власти. Этот персонаж оказывается интеллектуально выше, чем другие представители националистического движения, – он тот, кого автор считает героем своего времени, тот, кто видит эстетику в убийствах и жаждет славы: *«Как и все хорошие ремесленники, через некоторое время Виктор перестал радоваться просто очередному событию, но стал искать красоту и эстетику в убийстве. Удачный бросок, удар, колющий ножом – радовали в той мере, в какой они были совершенны. А больше всего Виктор радовался, когда по телевизору практически в каждой программе про скинхедов показывали нарезку из ролика «Формата 18», снятого у гук-общаг – с его личным участием. Так проходила земная слава»*. Насилие

рассматривается автором как естественное проявление человеческой сущности, и положительная оценка начилия обнаруживается на протяжении всего текста.

Сколь бы ни были различны персонажи националистических движений, о которых пишет автор (они могут быть умными и глупыми, обаятельными и уродливыми), враг для этих «героев» одинаков и не имеет лиц и имен. Для характеристики этого врага автор использует в основном номинации хач (хачи), кавказец (кавказцы), азер, чуркогук, гук. В тексте эти номинации используются как совершенно нейтральные обозначения тех, на кого нужно нападать. Основным врагом националистов, как это следует из текста, являются именно представители Кавказа и Азии, а также китайцы, которые становятся объектом «охоты», для их характеристики используются слова «дичь», «трофей» и другие единицы семантического поля «охота». В самых жестоких убийствах рассказчику видится своеобразная эстетика, он восхищается слаженностью действий, умением организовать убийство. Описание убийств со смакованием насилия, жестокости, садизма, оформленные в тексте как лирические отступления, несут признаки речевой агрессии, а выражаемое рассказчиком положительное отношение к происходящему направлено на формирование у читателя представлений о том, что такие действия не только допустимы, но ими можно восхищаться, оставив в стороне нравственный аспект. В убийстве представителей иных наций увидено даже некое мессианство, героем становится тот, кто очищает страну от «нечисти»: *«Темная сторона жизни, столь хорошо известная Виктору, изобиловала невыносимым количеством всевозможной дряни и накипи рода человеческого. Убил цыганку-наркоторговку – оборвется вся цепочка грабежей, краж, угонов и прочей мерзости, которые бы сотворили те, кто с ее помощью скололся. Может быть, кто-то из них и купит потом у другой – а может быть, и нет. Так и будут жить те, кто никогда не пострадал от последствий зла, которое так и не наступило – так об этом и не узнав. Это давало ощущение власти над какой-то частью мироздания, инструментом воздействия на которое становились ножи и арматура».*

На фоне выражаемого пренебрежительного отношения к представителям других национальностей, которые даны в книге обобщенно как дичь и предмет охоты (обо-

значая совокупность представителей иных национальностей, автор использует слово «штука»), в тексте создаются портреты лидеров и участников националистических движений, главным из которых является Виктор. Именно с этим персонажем связаны попытки идеализации насилия и того образа жизни, который ведет главный герой. В наиболее явном виде это обнаруживается в последней главе и сцене у озера, где в описании пейзажа и диалогов героев явно прослеживается романтизация образа Виктора и его жизненного пути. В заключительной главе текста рассказчик, идеалистически описывая ночную встречу с Виктором (ночное озеро, костер, светловолосая девушка), приходит к мысли о том, что убийство может дать свободу, и, хотя автор или рассказчик осознаёт опасность такой свободы, он все равно считает образ жизни Виктора закономерным и привлекательным и не испытывает сострадания к тем, кто был им убит: *«Достойны ли жалости те, кто проиграли войну за выживание? С моей точки зрения, нет. Мы не жалеем и не замечаем тысячи и миллионы смертей дичи, добытой хищниками, или животных, не нашедших пищи и умерших от голода и холода – так устроена жизнь. Зайчики и мышки хотя бы симпатичные и осознанно не делают ничего плохого. Чего нельзя сказать о разной дряни, которая виновата если не своей мерзостью, так своей слабостью».*

К семантическим трудностям, возникающим при анализе художественного текста, следует отнести отсутствие или редкое употребление слов, называющих расы, нации, социальные группы в общереферентном контексте: обычно унижительные номинации лиц используются для обозначения конкретных персонажей текста. Например, в тексте художественной сказки «Жид-вампир» одноименный герой не является обобщенным представителем этнической группы, это наименование одного из персонажей, которому в самом начале фильма дается следующая характеристика:

*Раз в лесу устроил пир
кровожадный жид-вампир.
Кровь младенцев христианских
он хлестал, словно кефир,
запекал детей в мацу,
вились пейсы по лицу.
Сладок вкус российской
плоти Иудею-подлецу.*

Проблемными для лингвистической экспертизы являются тексты комического, пародийного содержания, к которым, безусловно, относится названный выше текст сказки и снятый по сценарию сказки фильм. С точки зрения жанровых, стилистических, языковых особенностей текст сказки «Жид-вампир» заимствует в качестве прототипа литературную сказку Л. Филатова «О Федоте-стрельце», в результате рождается постмодернистский текст, состоящий из множества цитат, аллюзий, содержащий и словесные, и визуальные отсылки к прецедентным текстам, лицам и ситуациям. Комическое осмысление охватывает все уровни исследуемого текста: и сюжет, и персонажей, и окружающие обстоятельства. Объектом комического в области идей являются всякого рода стереотипы и предрассудки, причем распространенные и давно признанные таковыми. К таким предрассудкам относятся представления о евреях как тех, кто пьёт кровь младенцев, бурятах как людях далеких от цивилизации, русских как пьющих людях. Кроме того, это религиозные, политические и другие стереотипы, например, стереотипные представления об интеллигентах (например, Бурят, оценивая Иннокентия как представителя интеллигенции, приписывает ему любовь к творчеству Б. Окуджавы, и произносит: «*Ха, Арбат – что за фигня!? Окуджавой кинь в меня!*»). Это и стереотипы о Москве («*Ну, конечно, вам с Москвы видно все, аж до Тувы!*»), и стереотипы о жителях города и деревни («*Я питаю своего не сменю ни на кого, что мне в городе предложат? Консерванты, ГМО!*»). При этом стилистическое снижение (в тексте фильма активно используются разговорно-сниженная лексика, встречаются грубые и вульгарные слова, обсценизмы) также служит созданию комического. Все происходящее в фильме относится к области художественного вымысла, не имеющего прямого отношения к реальным событиям и лицам,

и помещено в комический контекст. Текст представляет собой своеобразную (в жанре сказки с элементами абсурда) пародию на современное общество, его социальные условности и символически уподобляет общество, живущее стереотипами, балагану. Разнообразные социальные нормы подвергаются критической оценке, карнавальному переворачиванию, парадоксальному переосмыслению, фильм построен на балансировании между теми темами, над которыми можно смеяться и над которыми смеяться нехорошо с точки зрения этики.

Таким образом, аксиологическая направленность художественного текста по делам о противодействии экстремизму позволяет использовать семантический и коммуникативно-прагматический анализ. Семантический анализ предполагает выявление диктумной и модальной составляющих текста, коммуникативно-прагматический анализ направлен в первую очередь на характеристику иллокутивного содержания и требует исследования приёмов речевого воздействия на читателя. Однако диффузность модальных значений в тексте, имплицитный характер авторской позиции, различная степень авторизации в тексте – всё это, формирующее содержание и коммуникативную перспективу художественного текста, оставляет пока нерешенными многие вопросы лингвистической экспертизы.

Литература

Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. – 326 с.

Матвеева О.Н. Художественный текст как объект лингвистической экспертизы // Юрислингвистика, 2007. – № 8. – С. 370-372.